

10 Навіцкі У.І. Рэлігійнае жыццё ў гады Вялікай Айчыннай вайны // В.В.Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава —Мн.: ВП “Экаперспектыва”, 1998. — 340 с.

УДК 271.2+94(100) “1914/.19”

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Я.В. ШУТОВ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В то время, когда в Москве делегаты Собора решали вопрос о восстановлении патриаршества, в северной столице произошло вооруженное восстание. Временное правительство пало, вся власть перешла в руки Советов, а фактически в руки партии большевиков. После нескольких дней упорных боев Советская власть установилась и в Москве. Пришедшая к власти партия была одной из самых радикальных в тогдашней России. Между тем лидеры большевиков придерживались антирелигиозных позиций, что не могло не привести их в скором будущем к жесткому столкновению с руководством Православной Церкви. Этим руководством являлся Собор.

В ходе октябрьских боев в Москве руководство Церкви предприняло тщетную попытку «примирить» враждующие стороны. Когда же победитель определился, делегаты Собора вернулись к своим заседаниям, предпочитая просто не замечать совершившейся перемены. Собор был занят выборами Патриарха, а руководство большевиков заботилось о собственном утверждении у власти. 11 ноября (ст. ст.) Собор выступил с посланием, в котором хотя и не содержалось никаких имен и названий политических сил, но довольно ясно сквозило недовольство происшедшими событиями. «Ко всем несчастьям присоединилась междоусобица, охватившая Русскую землю. В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России – священный Московский Кремль. Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения – кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов – смешение языков и ожесточенная ненависть братьев. Давно уже в русскую душу проникают севы антихристовы, и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого. На этой почве обещают они создание всеобщего счастья на земле. Открыто проповедуется борьба против веры Христовой, противление всякой

святыне и самопревознесение против всего, называемого Богом. Посему и рушится Держава Российская от этого беснующегося безбожия». Собор призывал православную паству оставить «безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия» и «вернуться на путь Христов». Сами же «лжеучители» объявлялись «изменниками Родины» Делегаты Собора, казалось, плохо отдавали себе отчет в том, что именно произошло в стране, и какого рода власть в ней установилась. Подтверждение этому – соборное определение «О правовом положении Православной Российской Церкви», принятое ими 2 декабря 1917 года. Согласно этому документу Церковь в своей внутренней жизни должна быть независима от государственной власти и обязалась соблюдать «гражданские законы» государства. На этом «либерализм» документа заканчивался. Православная церковь требовала для себя «первенствующего среди других исповеданий публично-правового положения». Государство должно было признавать юридическую силу за всеми постановлениями, изданными для себя Церковью. Все касающиеся Церкви законы должны были издаваться только «по соглашению с церковной властью». Обязательно православными должны были быть глава государства (!), министр исповеданий, министр народного просвещения и товарищи этих министров. Православный календарь должен был признаваться государственным календарем, а главные церковные праздники и воскресные дни – «неприсутственными днями». «Богохульные» публичные выступления и действия, а также «насилия и угрозы для отвлечения от православия» должны были признаваться уголовными преступлениями и соответственно наказываться. Церковный брак для православных граждан должен был признаваться законным, регистрация актов гражданского состояния оставалась в руках церкви. Церковные учебные заведения как богословского так и общеобразовательного характера приравнивались по своему статусу к правительственным. Во всех светских школах преподавание Закона Божия для православных учащихся должно было оставаться обязательным. При армии и флоте должны были содержаться штатные священники, которые, как и законоучители в школах должны были содержаться за счет государственной казны. Духовные лица освобождались от воинской и других «натуральных» повинностей. Церковные имущества объявлялись неприкосновенными и не подлежали налогообложению, если они не приносили дохода «путем отдачи их в аренду или наем». Церковь требовала для себя ежегодных субсидий от государства «в пределах потребностей», которые определялись ее руководством и затем утверждались законодательно. Церковь, правда, обещала отчитываться в расходовании этих средств «на общем основании» т.е. как и всякое другое ведомство. Она требовала прав юридического лица не только для себя как целого, но и для всех своих «установлений» (приходов, монастырей,

братств, семинарий и т.д.). По существу, церковь принимала от революции все то, что шло ей на пользу (политическую независимость), но настаивала на сохранении всех своих старых привилегий. Советская власть просто не обратила внимания на эти требования.

31 декабря 1917г. (13 января 1918г.) был опубликован проект Декрета СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, известного также как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. 20 января (2 февраля) 1918 года Декрет был принят и спустя три дня вновь опубликован уже как официальный документ, согласно которому Церковь отделялась от государства, что выражалось в полной отмене всех привилегий по религиозному принципу, отказе от религиозных обрядов как официальных церемоний, отмене религиозной присяги, полной секуляризации актов гражданского состояния, приравнивании всех религиозных обществ к «частным обществам и союзам» и отказе от всякой их поддержки со стороны государства. Гражданам предоставлялось право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно исполнять религиозные обряды, не посягая на общественный порядок, права других граждан и Советской Республики. Никто не мог по религиозным убеждениям освобождаться от гражданских обязанностей, допускалась лишь замена одной обязанности другой. Школа отделялась от церкви. В учебных заведениях любого типа, где преподавались общеобразовательные предметы, запрещалось преподавание религиозных вероучений. Разрешалось обучаться и обучать религии лишь «частным образом». Статьи декрета представляли собой радикальную, но в целом общедемократическую программу секуляризации общественной жизни. Еще до его официального принятия Наркомпрос издал постановление о национализации всех принадлежавших Церкви учебных заведений независимо от их характера. Национализировалось и передавалось в ведение наркомпроса все их имущество, денежные фонды, ценные бумаги и проценты по ним. Одновременно началось закрытие «домовых» церквей при разных учреждениях и монастырей. На местах выполнение этих распоряжений Советской власти часто сопровождалось грубыми надругательствами над религиозными святынями и оскорблениями религиозных чувств верующих. Сказывалась и общая нестабильность ситуации в стране, слабый тогда еще контроль центральной власти на местах, разгул бандитизма, появление огромного количества вооруженных и никому не подчиняющихся людей (главным образом дезертиров из развалившейся старой армии) и т. п. Все это давало вполне реальную почву для разговоров о «гонениях» на веру.

19 января 1918 года Патриарх Тихон издал послание. Этот документ был составлен так, что мог допускать различные толкования. Вначале по-церковному велеблещиво рисовалась картина междоусобий, разбоев, и

насилий, охвативших русскую землю. Затем Патриарх своей властью «данной от Бога» предавал анафеме виновников всех этих бедствий, не называя их. Далее, уже после анафематствования, следовали прямые выпады против Советской власти. Иными словами, речь в послании велась как бы о ненасильственном сопротивлении. Никаких прямых призывов к вооруженной борьбе в тексте послания не было. Этот документ определил отношение Церкви к новой власти по крайней мере на следующие полтора года. В течение 1918 года руководством РПЦ был издан еще ряд документов как бы разъяснявших патриаршее послание и претворявших в жизнь его идеи.

28 февраля Патриарх Тихон и Синод издали постановление, направленное против Декрета об отделении Церкви от государства. Пастырям предписывалось в меру сил поддерживать все начинания мирян для защиты Церкви.

18 апреля Собор издал определение, согласно которому 25 января (день убийства митрополита Владимира) устанавливался как день поминовения новых мучеников и исповедников. Примерно в том же духе было написано и соборное определение от 12 сентября 1918 года. Кроме подтверждения ранее сделанных распоряжений этот документ санкционировал проведение лишившимися храмов общинами богослужений «в частном доме или ином приличествующем помещении». 10 июля была принята первая конституция Советской России, которая подтверждала отделение государства и школы от церкви и признавала за гражданами свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды (ст. 13). Вместе с тем монахи и священнослужители, как и некоторые другие категории граждан, лишались избирательного права (ст. 65). Ответом властей на перечисленные меры Церкви стала инструкция Наркомюста от 24 августа 1918 года о порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этим документом лишались прав юридического лица и подлежали закрытию все благотворительные, просветительские и иные общества, ограничивавшие круг своих членов людьми одного вероисповедания. Религиозные общества обязывались представить местным властям описи своего богослужебного имущества. Это имущество передавалось в пользование группам мирян числом более 20 человек, которые несли материальную ответственность перед государством за вверенные им богослужебные предметы.

Противостояние между Советской властью и Православной Церковью развивалось на фоне разгоравшегося пожара гражданской войны. Руководство РПЦ в Москве старалось продемонстрировать известный нейтралитет по отношению к воюющим сторонам. Весной 1918 года Патриарх Тихон отказался дать благословение не только деникинской Добровольческой армии, но и личное тайное благословение кому бы то ни

было из участников белого движения, о чем просил его князь Г.И.Трубецкой. Однако оставаться последовательно нейтральным руководством Церкви удавалось не всегда. 5 (18) марта 1918 года Патриарх в специальном послании решительно осудил Брестский мир, который он считал позором для России. Гражданская война в России быстро вылилась в настоящую вакханалию террора. 7 ноября 1918 года, в годовщину Октябрьской революции, Патриарх Тихон обратился с письмом к Совету Народных Комиссаров. Эпиграфом к нему он взял слова из Евангелия: «Все, взявшие меч, мечем погибнут». Это письмо – обвинительный акт против большевистской власти, рассчитанный, конечно же не столько на власть предержащих, сколько на мнение общественности, которой этот документ скоро стал известен. Тихон обвиняет большевиков в обмане народа, в разжигании кровавой междоусобицы, в разгуле террора, в заключении позорного мира, в подстрекательстве к грабежам, в попрании свободы слова и печати, в гонениях на веру. Однако, чем призрачнее становилась надежда на скорое падение большевистского режима, тем яснее руководство Церкви понимало необходимость встать «над схваткой». 6 (21) июня 1919 года Тихон обратился к верующим с очередным посланием. Он еще раз описал ужасы гражданской войны и террора, приписав их безбожной сущности новой власти и призвал христиан не стремиться к мести, но смело идти на муки за веру. В том же послании, однако, Патриарх резко осудил еврейские погромы, которыми особенно увлекались тогда белогвардейцы и подстрекаемые ими шовинистические «элементы». Но полный поворот в сторону аполитичности был совершен Патриархом в его следующем послании от 25 сентября (8 октября) 1919 года, направленном православному духовенству. Он решительно отвергал все обвинения в контрреволюционности Церкви и в ее стремлении к свержению Советского строя, в поддержке белого движения и интервенции. Патриарх призывал духовенство не участвовать в политической борьбе, подчиняться велениям Советской власти «поскольку они не противоречат вере и благочестию» и сосредоточить все силы на проповеди слова Божия, столь необходимой при широком распространении неверия. Важнейшее орудие борьбы с Церковью большевики видели в «атеистической пропаганде». Наиболее действенное средство этой пропаганды они видели в скорейшем разоблачении «народных предрассудков» и «церковного обмана». С этой целью еще в 1918 году началась кампания по вскрытию почитаемых верующими «мощей» святых, которые по утверждениям духовенства были «нетленными». Однако далеко не всегда вскрытия мощей приводили к ожидаемому результату. Как свидетельствует письмо С.Мицкевича (сотрудника Московского отдела народного образования, одного из старейших революционеров) Ленину вскрытие часто порождало слухи о подлоге мощей и усиливало озлобление верующих. Тем не менее, Ленин настаивал на продолжении вскрытий.

«Вскрытию» подверглись, в частности, мощи Сергия Радонежского и Александра Невского. Вскрытые мощи иногда через несколько дней возвращались на прежнее место, а иногда передавались в музеи. Если в 1918-1919 годах власти при проведении этих операций еще соблюдали известную осторожность, то 29 июля 1920 года СНК РСФСР принял по предложению наркомата юстиции постановление «о ликвидации мощей во всероссийском масштабе», согласно которому все вскрытые мощи подлежали передаче в музеи или захоронению. К весне 1921 года наркомост увидел, что такой «красногвардейский» подход к делу приводит к серьезным конфликтам с местным населением.

Вместе с тем власти продолжали закрытие монастырей. 20 апреля 1920 года по специальному распоряжению В.И. Ленина была закрыта Троице-Сергиева Лавра. Кампания по вскрытию мощей действительно заставила некоторых верующих отвернуться от религии, но она принесла большевикам гораздо больше проблем, чем успехов, так как часто воспринималась православными людьми как кощунство и надругательство над святынями. Никакое примирение между Церковью и властью в этих условиях становилось невозможно. Предстояли еще решительные столкновения.

Список литературы

1 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996.

2 Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1–2. М. 1995.

3 Митрофанов Георгий, свящ. Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб. 1995.

4 Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви 1917–1990. М. 1994.

5 Корзун М.С. Русская Православная Церковь 1917–1945. Минск 1987.

6 Плаксин Р.Ю. Церковная контрреволюция и борьба с ней. 1917–1923. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л. 1968.

7 Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. Л. 1967.

8 Рослоф Э. Советское правительство и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1922–1923). В кн. История России. Диалог российских и американских историков. Саратов 1922.

9 Козлов В. Р. Исчезновение Первопрестольной. В кн. Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М. 1990.

10 Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995.